

Сбой репрезентации, или Как выжить в Царстве теней (поиск ключей к «Науке логики» Гегеля — ключ № 2)

Сухно А. А.,
кандидат философских наук, Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет),
Москва, Россия; 125993, Волоколамское шоссе, д. 4,
volyakvlasti@mail.ru

Гулин В. В.,
младший научный сотрудник, Институт автоматизации проектирования РАН,
Москва, Россия; 123056, 2-я Брестская ул., д. 19/18,
kornet104@gmail.com

Аннотация: В статье исследуются причины сложности философского языка Гегеля. Авторы статьи приходят к выводу, что они носят не столько индивидуально-психологический, сколько объективный характер — и связаны с устройством знания как такового, полученного в рамках различных научных дисциплин. Это знание, рассмотренное в целом, образует «круг», и поэтому не удаётся обнаружить фундаментальное основание, из которого оно должно выводиться. Это накладывает ряд существенных ограничений на операции, которые можно совершать с понятиями логики. Эти операции вовсе используют другие исследовательские программы, но именно потому, что они избегают глобального вызова, принятого Гегелем. А следовательно, именно сама задача, её амбициозность и высокие ставки, которые сопровождают её выполнение, обрекают Гегеля на использование такого философского языка, который и принято считать «крайне сложным», «косным», «запутанным».

Ключевые слова: Гегель, «Наука логики», знание, репрезентация, абстракция, понятие, реальность, онтология, рефлексия, восприятие, формализация.

Каждый, кто знакомится с «Наукой логики» Гегеля впервые, неизбежно задаётся вопросом: а почему автор так сложно выражает свои мысли? в чём причина запутанности и тяжеловесности его концептуального языка?

А между тем, как представляется, проблема здесь не в выборе *способа описания* некоего предмета, а в *самом предмете*. Он устроен таким образом, что предъявляет определённые требования к тому, кто берётся о нём говорить. Этот предмет — «чистое

знание» (*reines Wissen*¹), знание как таковое, структурой которого, как неоднократно пишет Гегель на страницах своего трактата, является Круг (*Kreis*) или Круговорот (*Kreislauf*). И следовательно, чтобы выстроить это знание в правильном, или *логическом*, порядке, то есть — создать науку логики или «чистую науку» (*reine Wissenschaft*), необходимо пройти какую-то часть Круга, а затем аннулировать пройденный путь — и принять достигнутый результат без всякого основания (*Grund*) и опосредования (*Vermittlung*): так мы получим «непосредственное» (*Unmittelbares*) как точку отсчёта для раскрытия знания.

Эта удивительная ситуация и накладывает ряд ограничений на проект Гегеля, который из-за этого становится крайне проблематичным для восприятия. И здесь в первую очередь надо заметить, что сам Гегель прекрасно осознаёт все эти затруднения. Прямо во «Введении» он заводит речь о сложности восприятия логики как самостоятельной науки.

«Система логики — это Царство теней (*Reich der Schatten*), мир простых сущностей (*die Welt der einfachen Wesenheiten*), освобождённых от всякой чувственной конкретности (*sinnlichen Konkretion*). Изучение этой науки, длительное пребывание и работа в этом Царстве теней есть абсолютная культура и дисциплина сознания»².

Именно эта формула — «освобождение от всякой чувственной конкретности» (*Befreiung von aller sinnlichen Konkretion*) — должна послужить нам ключом к анализу концептуального языка Гегеля. Мы получаем логику, сначала изучив что-то конкретное, а затем *очищаем, снимаем форму «конкретно-чувственного представления»* (*sinnlich-konkretes Vorstellen*), если угодно, *мысленно устраним* всё содержание изученного предмета. Этот переход на уровень *чистой абстракции*, сознательный отказ от опоры на то, что можно ощутить или представить. Собственно, именно с этого ограничения и начинаются все сложности Гегеля с репрезентацией...

**“Gegenständlich Verstand” («предметный смысл») против “Menschenverstand”
(«здравого смысла»),
или Почему в логике абстракции не выводятся через абстрагирование от
реальности**

На первый взгляд, кажется, что этот переход — всего лишь стандартная операция «эмпирического обобщения», теоретическая обработка результатов чувственного опыта,

¹ Здесь и ниже мы будем указывать в скобках, выделяя курсивом, немецкие термины из первоисточника [Hegel G. W. F. *Wissenschaft der Logik*. 1832. URL: <http://www.zeno.org/nid/20009177124> (дата обращения: 16.08.2020)], поскольку «замыленность» русских эквивалентов служит плохую службу отчётливому пониманию мысли Гегеля. В цитатах из «Науки логики» термины указываются в той же грамматической форме, что и в самом произведении, а в основном тексте статьи — в именительном падеже. В цитатах немецкие термины, указанные в скобках переводчиком русского издания «Науки логики», курсивом не выделяются.

² Гегель Г. В. Ф. *Наука логики*. — СПб.: Наука, 1997. — С. 47.

которая и приводит к формированию абстракций, «общих отвлечённых идей»³. Однако это не так. Напротив, если внимательно вчитаться, то станет очевидно, что перед нами совершенно другая операция, а именно — *мысленное устранение самого этого опыта, нейтрализация всякого его воздействия на процесс познания*.

Гегель начинает «Введение» («Всеобщее понятие логики») с того, что критикует господствующее в обыденном сознании (*gewöhnliche Bewußtsein*) представление о «раздельности содержания познания и его формы» (*Trennung des Inhalts der Erkenntnis und der Form*). То есть, мол, логика исключительно формальна, а потому своё содержание, «материю» она должна получать откуда-то извне: имеется уже «готовый мир» (*fertige Welt*), который должен наполнить пустые логические формы. Однако, настаивает Гегель, у логики как раз имеется своя материя — причём «подлинная материя» (*wahrhafte Materie*), поскольку логика *непосредственно извлекает* свою «материю», «содержание» из самой мысли. Не нужно думать о том, насколько соответствует способ моего мышления, понятия, которые я использую, тому «материалу», к которому я их применяю: мне достаточно мыслить *ровно то, что содержится в самом понятии*. Иначе говоря — «рассматривать или, вернее, отстранив всякие размышления, всякие мнения, которых придерживаются вне этой науки, лишь воспринимать *то, что имеется налицо* (*was vorhanden ist*)»⁴.

Тем самым не создаётся какой-то искусственной ситуации в процессе познания — напротив, уровень логики отражает «нераздельность формы и содержания» познания в её чистоте. Это надо понимать так, что логика в явном виде демонстрирует то, что в других науках остаётся скрыто. А это значит, что при последовательном раскрытии понятий (ибо, забегая вперёд, заметим, что в качестве содержания любого понятия мы находим другие понятия) эту же ситуацию можно перенести в другие науки — найти их место (и место тех понятий, которые они используют) внутри науки логики. Только тогда и получится нужный порядок познания — полное, «интегральное» описание действительности. Поэтому здесь не требуются дополнительные процедуры, которые будут верифицировать достоверность полученного содержания. Ведь любой свой предмет мысль *извлекает из себя*, подобно Творцу, который на правах создателя абсолютно точно знает замысел, вложенный в собственное творение.

Гегель выражает это так:

«Чистая наука, стало быть, предполагает освобождение от противоположности сознания [и его предмета]. Она содержит в себе *мысль, поскольку мысль есть также и суть вещи (Sache) сама по себе, или содержит суть вещи саму по себе* (*die Sache an sich selbst*), поскольку суть вещи есть также и чистая мысль (*reine Gedanke*)»⁵.

Не следует понимать это формулу так, что будто бы перед нами — Уроборос, змея, кусающая свой хвост. Будто бы мысль делает саму себя своим единственным предметом и замыкается в самой себе. Это как раз и даст повод заявить, что, мол, существует обособленная от неё «чувственная реальность», которая остаётся где-то снаружи,

³ Например, см. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении. — М.: Мысль, 1985. — С. 208, С. 212–215.

⁴ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. — СПб.: Наука, 1997. — С. 57.

⁵ Там же. С. 39.

многообразная и недоступная. А между тем всё строго наоборот: чтобы последовательно раскрыть «чувственную реальность», необходимо исходить из того, что мы уже понимаем (из того, о чём у нас уже имеется понятие), и постепенно расширять своё понимание через рассмотрение самих понятий.

Таким образом, чтобы, в конце концов, получить «богатство особенного» (*Reichthum des Besonderen*), необходимо для начала «всеобщее» (*Allgemeines*), то есть — абстракции, из которых это «особенное» или «конкретное» возникнет. Поэтому весь вопрос в *последовательности раскрытия* тех «определений» (*Bestimmung*), которые и составляют в целом понятие «чувственной реальности». Как детали детского конструктора — модель самолёта или корабля. Только тогда мы и сможем ответить на вопрос, *в какую именно реальность* мы попали и *почему* можем её воспринимать как «нечто внешнее». Именно поэтому мы обязаны упразднить «чувственную реальность» в качестве предпосылки процесса познания, ибо это — единственный способ её адекватно осмыслить.

Эта мысль очень хорошо прослеживается в отрывке, посвящённом платоновским Идеям.

«Для того чтобы представление по крайней мере понимало, в чём дело, следует отбросить мнение, будто истина есть нечто осязаемое (*etwas Handgreifliches*). Подобную осязаемость вносят, например, *даже* (курсив наш. — А. С. и В. Г.) ещё в платоновские идеи, имеющие бытие в мышлении Бога [толкуя их так], как будто они существующие вещи (*existierende Dinge*), но существующие в некоем другом мире или области, вне которой находится мир действительности (*die Welt der Wirklichkeit*), обладающий отличной от этих идей субстанциальностью, реальной только благодаря этому отличию»⁶.

Обратите внимание на это «даже» — можно сказать, что *даже* классический «анти-эмпиризм» Платона меркнет по сравнению со «спекулятивным анти-эмпиризмом» Гегеля (при условии, разумеется, что мы оставляем за скобками вопрос о релевантности такой гегелевской интерпретации Платона). Платон обосновывает самостоятельное существование Идей в «иной реальности», потому что он неявно всё ещё признает чувственно воспринимаемый мир в качестве реального (!) — только, разумеется, статусом ниже по сравнению с интеллигибельной «истинной реальностью».

В то время как Гегель фактически утверждает, что данные чувственного познания сами по себе *не собираются, не «монтируются» ни в какую единую реальность*. Чтобы этот материал обрёл качество «реальности» (*Realität*), «действительности» (*Wirklichkeit*), чтобы появилась эта самая «чувственная реальность», «внешний мир», который будет служить надёжной опорой для познания, необходимо, чтобы *эти понятия* («реальности», «действительности») *были поняты или осмыслены в качестве понятий* (увы, из-за Круга тавтология здесь неизбежна). Или, иначе говоря, нужно вывести «Действительность» в качестве понятия внутри самой науки логики. Ибо если я не понимаю (буквально: не могу *составить понятия*), что такое «реальность», «действительность», то я не смогу получать об этом знание через «чувственное представление». То есть мир, данный через

⁶ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. — СПб.: Наука, 1997. — С. 40

ощущения, «готовый мир», мир «здорового смысла» (*Menschenverstand*), конкретный и осязаемый, вовсе не является чем-то самоочевидным — к чему можно апеллировать и на чём основываться. Всё это само требует объяснения и обоснования — как и почему мы можем получать знания о чём-то «внешнем» — через «Науку логики», а именно — через раскрытие «предметного смысла» (*gegenständlich Verstand*) понятий. Просто сбор «эмпирического материала», сколь бы продолжительным и масштабным он ни был, никогда не будет достаточен для решения задач, стоящих перед научным познанием. Поэтому:

«[...] лишь в своём понятии нечто обладает действительностью; поскольку же оно отлично от своего понятия, оно перестаёт быть действительным и есть нечто ничтожное (*ein Nichtiges*); осязаемость (*Handgreiflichkeit*) и чувственное вонне-себя-бытие (*sinnlichen Außersichseins*) принадлежат этой ничтожной стороне»⁷.

Это означает, если угодно, принципиальную *онтологическую совместимость* понятия со своим предметом, их пребывание в рамках единой реальности (как бы мы эту последнюю впоследствии ни охарактеризовали). Поскольку эти понятия буквально участвуют в формировании той самой реальности, которую мы — на уровне здравого смысла — обнаруживаем в качестве данной, уже сформированной. То есть именно это то, от чего, по версии Гегеля, как раз отказывается Платон, прибегая к «метафизическому удвоению реальности».

В результате приходится констатировать несоответствие между непосредственной данностью «эмпирического материала» и правильным («логическим») порядком раскрытия «действительности», из которой этот материал получен. Чтобы прийти к точке, откуда возможно такое раскрытие, необходимо сначала пройти путь от «непосредственного сознания» к «чистому знанию» в «Феноменологии духа». Поэтому в данной ситуации нужно временно отступить, то есть — пожертвовать «богатством», многообразием содержания, включённого целиком и полностью в «чистое знание». То, что Гегель так и охарактеризовал, — «отступить от своего содержания» (*von seinem Inhalte zurückzutreten*). А «чистая абстракция», «простая сущность», то есть обитатели Царства теней, — это то, что осталось после этой операции (размыкания Круга «чистого знания»). Поэтому правильно было бы сказать, что Гегель не пытается специально абстрагироваться от «конкретно-чувственного представления» из-за несовершенства последнего, но, напротив, чтобы получить само это представление в его «чувственном многообразии», необходимо сначала *пройти через абстракцию*. Просто потому что, кроме абстракции, пока что ничего ещё и нет.

Итак, Гегель, следуя своей программе, вынужден сохранять дистанцию со всем, что могло бы служить *основанием, твёрдой почвой* для познания. И «чувственное ощущение» просто приносится в жертву первым: возникает именно «логическая», в гегелевском смысле, необходимость пройти тот путь, которому *не будет соответствовать ничего конкретного*, никакого «чувственного представления».

⁷ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. — СПб.: Наука, 1997. — С. 40.

Всё это — следствие того, что перед нами такое специфическое движение по маршруту, который не отслеживается в процессе его прохождения, а реконструируется только *post factum* — когда будет достигнут конечный результат.

Поэтому не следует думать, что, мол, «Наука логики» — это такое абстрактное выражение, репрезентация «действительных отношений», которые надо просто опознать и корректно интерпретировать. Если это всё-таки допустить, то становится категорически непонятно, зачем вообще нужен этот шаг, это, по сути, травматическое (а Гегель не скупится на описание сложностей при изучении логики) столкновение с «наукой в её абстрактном виде» (*Wissenschaft in ihrer abstrakten Gestalt*). В таком случае путь был бы другим: следовало для начала изучить реальные, эмпирически наблюдаемые факты, а потом сделать соответствующие теоретические обобщения, плавно и органично перевести их в абстрактную форму. Иначе говоря, не откладывая дело в долгий ящик, начать сразу с «богатства представления о мире» (*Reichthum der Weltvorstellungen*), а уже потом постепенно переходить к «изолированной системе абстракций» (*isolirtes System von Abstraktionen*), коль будет в этом надобность. Тем самым вполне можно было избежать «травматизма» науки логики. Собственно, Гегель бы здесь и не требовался — вполне достаточно британского эмпиризма, даже без всякого участия континентальной картезианской традиции.

Гегель предлагает нам совершенно другую операцию: отбросить результаты эмпирического познания и двигаться только в перспективе чистой абстракции — «простой сущности, освобождённой от всего конкретного». И только пройдя весь этот путь, как бы с закрытыми глазами, вслепую, отключив все чувственные ощущения, пережив «сенсорную депривацию», можно будет осознать реальную значимость эмпирического опыта. Как человек, который походит полчаса по комнате с завязанными глазами, потом снимет повязку и увидит окружающий мир.

Дело как раз в том, что *никак иначе этот путь не пройти* — только через такие маршруты, для которых нет адекватного отображения в чувственном опыте. То есть наука логики не отражает, не репрезентирует действительность (*Wirklichkeit*) каким-то изоощрённым, замысловатым образом, но, напротив, включается именно там, где *репрезентация/отражение действительности даёт сбой*, там, где она *ещё не работает*. Её задача — как раз вывести в процессе собственного развёртывания саму эту «действительность».

И только постфактум мы можем вернуться назад и осознать значимость того, чего достигли на уровне чистой абстракции, «простых сущностей». Реконструировать тот путь, который проделали, — уже с точки зрения *самой действительности*, которая без этого обходного пути просто не могла быть раскрыта (в этом, собственно, сущность Круга «чистого знания» — пройти один и тот же путь *дважды*, но с *разных сторон*). Именно взаимосвязь, соотношение и движение абстракций является инструментом последующего раскрытия действительности (что и произойдёт в своё время в «Учении о сущности»).

Отказ от мета-позиции рефлектирующего субъекта, или Почему абстракции в логике нельзя формализовать

Сказанное в предыдущем параграфе не настолько экстравагантно, как можно подумать, ибо, выражаясь юридическим языком, имеются прецеденты. В этой перспективе можно осмыслить, например, использование в физике математического аппарата — да и вообще всю структуру научного эксперимента — как ввода в исследовательскую ситуацию тех связей, которые как раз невозможно зафиксировать на уровне эмпирического наблюдения. Только различие в том, что в «Логике» Гегеля субъект и объект «эксперимента», оператор и его предмет — *мышление, стихия мысли* — совпадают и тем самым образуют Круг, который и нужно разомкнуть, чтобы начать в нем ориентироваться. Собственно, это и есть «тождество объективного и субъективного» (визитная карточка позднего немецкого идеализма), о котором надо говорить отдельно.

И здесь важно не поддаваться искушению со стороны интеллектуалистской метафизики. Или, точнее, не угодить в ловушку, в которую угодила последняя. Она также имела перед глазами пример «математизированного естествознания», но сделала из него, видимо, чересчур поспешные выводы: так или иначе, но интеллектуалисты не разглядели это «тождество», не осознали, что всё их знание включено в Круг.

Да, Спиноза, Лейбниц и другие наследники картезианского проекта также имели свой счёт к чувственному познанию, и поэтому активно работали над «математизацией» философских высказываний. Они предполагали, что можно, по аналогии с математикой (ведь она так блестяще показала себя в естествознании!), использовать понятия мышления в качестве единиц *особого языка*, которые обладают фиксированным значением и комбинируются друг с другом по определённым правилам (например, «геометрический метод» Спинозы или разработка Лейбницем «универсальной характеристики»⁸). Это можно расценивать как альтернативную репрезентацию — только не «внешнего мира», доступного в ощущениях, а *репрезентацию «порядка вечных истин»*, о котором говорил в своё время Декарт и который можно обнаружить в строгом рефлексивном рассуждении, без всякой помощи со стороны «чувственного восприятия».

Как известно, Гегель старательно дистанцируется от такого подхода. И дело тут явно не в какой-то особой «нелюбви философа к математике». По примечаниям из первой части «Науки логики» о роли математического анализа в «истинном понимании бесконечного» можно с уверенностью судить, что эта проблематика, как минимум, не является инородной для его проекта. Дело в другом — что любые математические открытия не могут подменить собой собственно философский метод познания.

«Спиноза, Вольф и другие впали в соблазн применить этот метод (метод «чистой математики». — А. С. и В. Г.) также и к философии и сделать внешнее движение лишённого понятия количества (*äußerlichen Gang der begrifflosen Quantität*) движением понятия (*Gange des Begriffes*), что само по себе противоречиво»⁹.

⁸ Лейбниц В. Г. Элементы универсальной характеристики / Сочинения в четырёх томах: Т. 3. — М.: Мысль, 1984. — С. 506–513.

⁹ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. — СПб.: Наука, 1997. — С. 42.

Иначе говоря, противоречие здесь в том, что при формализации понятий мы отказываемся от того, что составляет саму сущность понятия: тот «предметный смысл» (*gegenständlich Verstand*), который через него раскрывается. Или, если резюмировать цитату выше, движение того, что «понятия лишено», не может быть «движением понятия». Поэтому Гегель выбирает другой путь: он не предполагает, что у каждого понятия есть фиксированное значение, и на этом основании его можно использовать в комбинациях с другими понятиями, но что понятие *выводит это значение из самого себя*, и следовательно, само же будет, *исходя из своего содержания*, определять те правила и комбинации, по которым оно будет взаимодействовать с другими понятиями. То есть нельзя заранее установить правила взаимодействия понятий откуда-то извне — из *мета-позиции* рефлектирующего мышления. В рамках «Науки логики» единственная доступная нам позиция — это каждое понятие в отдельности: его можно рассматривать только с точки зрения его самого — того «предметного смысла», который оно в себе содержит.

Соответственно, открывается тот факт, что Гегель расходится с «чувственным познанием» и обращается к абстракциям вовсе не по той причине, по какой это делали метафизики-интеллектуалисты.

Для них определяющим в их подходе является следование картезианским процедурам. Те предполагают что-то вроде профилактики, «техники безопасности» познания, чтобы избежать «ловушек чувственного восприятия», а любой реально значимый результат достигается только в рамках постоянно проверяющего себя мышления. Гегеля же скорее интересует, *каким образом* эти ловушки конструируются и *какую роль* в этом играет само рефлектирующее мышление — несмотря на все попытки последнего обособиться, дистанцироваться от «догматической веры в данные ощущений». Именно потому Гегель стремится восстановить строгий порядок использования понятий мышления в рамках «Науки логики»: это самый надёжный способ обнаружить, как были завязаны в своё время все те узлы, которые Декарт и его «наследники» долго и мучительно пытались затем распутать. Если угодно, вместо вопроса «Как мне не ошибиться?» ключевым становится вопрос «Откуда появилась *сама возможность* ошибки?».

Итак, в построениях интеллектуалистов предполагается некая мета-позиция, из которой можно установить правила взаимодействия понятий. И метафизики-интеллектуалисты, уверовав в безграничную силу математики, пытались объединить их в формализованную систему, где у каждого понятия есть своё строгое фиксированное значение, и которая позволяет почти в автоматическом режиме раскрывать «порядок вечных истин». В то время как Гегель настаивает, что сама процедура «наделения значением» не может быть произведена заранее и зависит только от самого понятия, от его независимого функционирования.

Поэтому, и в этом принципиальное отличие Гегеля от интеллектуалистской метафизики, понятия мышления, которые рассматриваются в «Логике», *не обладают смыслом «по умолчанию»* (!). Что, разумеется, не то же самое, что «не обладают смыслом вообще». Просто смысл каждого понятия раскрывается только при рассмотрении самого этого понятия — что только оно само способно нам о себе что-то сообщить. Без всякого воздействия внешних, сопутствующих обстоятельств, которые могли вписать его в какой-то (эмпирический или ментальный) «контекст». Понятия в гегелевской «Логике» — *вне*

всякого контекста. Поэтому они не могут быть приняты в качестве единиц, которые можно между собой комбинировать, раз им не может быть с самого начала приписано некое устойчивое фиксированное значение.

Подведём итоги. Когда мы в «Науке логики» отбрасываем результаты чувственного познания, то делаем это вовсе не потому, что рассчитываем посредством чисто интеллектуального усилия осмыслить нечто, лежащее за его пределами, в области сверхчувственного, а потому что столкнулись с проблемами *внутри самой процедуры осмысления*.

При этом неважно, что именно мы мыслим — чувственное (эмпирическое) или сверхчувственное («математически формализованное»). Поскольку, как уже было указано выше, у нас *нет никакого основания (Grund)*, чтобы что-либо мыслить определённым образом. А интеллектуализм, и случай Спинозы здесь, наверно, особенно показателен, предполагает, что такое основание (Субстанция, «Абсолютное»), то есть — мета-позиция относительно текущего процесса, имеется с самого начала, и только потому формализация понятий мышления становится возможна¹⁰. Для Гегеля, как мы уже знаем, «Абсолютное» достижимо только в самом конце — после раскрытия «значения» *всех* понятий в определённой последовательности. В этом и различие.

Именно поэтому (пост)картезианская рефлексия как умозрение сущности и устранение чувственного опыта прочно занимает своё место внутри «Науки логики» (во второй книге «Учение о сущности»), а не возвышается над ней, подобно смотровой башне из «Паноптикона».

И вот здесь как раз зарождается *объективная сложность* изложения, затем неотступно сопровождающая весь гегелевский проект.

Когда Гегель в конце «Всеобщего понятия логики» говорит об «образовании и отношении индивида к логике», то под его пером рождается аналогия, которая способна этот момент прояснить. Причём не покидает ощущение, что она возникла не случайно, так как прямо отсылает к последующим трансформациям философского дискурса, столкнувшегося с вызовом со стороны лингвистики.

Это аналогия, предложенная им для иллюстрации восприятия логики, а именно — сравнение её с *грамматикой родного языка*. При первом знакомстве, пишет Гегель, она кажется набором «сухих абстракций» (*trockene Abstraktionen*) и «случайных правил» (*zufällig Regeln*). По этой причине она, как и логика, всегда проигрывает (и Гегель сам это подчёркивает) по сравнению с «богатством особенного» (*Reichthum des Besonderen*). Если

¹⁰ См. примечание «Философия Спинозы и Лейбница» в разделе «Действительность» (книга вторая, «Учение о сущности»). «Математика и другие подчиненные науки должны начинать с предпосылок, которые составляют их стихию и положительную основу. Но абсолютное не может быть чем-то первым, непосредственным, а есть по своему существу свой [собственный] результат» (Гегель Г. В. Ф. Наука логики. 1997. С. 490).

мы знаем уже другие языки, говорит Гегель, то можем увидеть в грамматике «дух и образованность народа», а значит, «наполнить содержанием» её абстрактные формы¹¹.

Как это понять?

Вряд ли речь о том, что мы должны обладать достаточным фактическим материалом, чтобы осознать в полной мере ценность «изолированных абстракций». Если бы это имелось в виду, то не было бы смысла упоминать о *других* языках — достаточно было бы владения тем языком, к которому относится рассматриваемая грамматика. Следовательно, здесь имеется в виду, что правила грамматики становятся осмысленными только потому, что мы их уже опознали однажды в качестве «системы изолированных абстракций», а затем овладели языком, который этой системе *не соответствует*, ибо это чужой язык, с другим сводом грамматических правил.

Дело в том, что в случае родного языка речевая практика и грамматическая система образуют уже знакомый круговорот. Эта система для носителя языка казалась набором «случайных правил», именно потому что именно эти правила *организовывали, создавали условия* для возникновения смысла в рамках этой речи — а потому *сами смыслом для говорящего и не обладали* (!). Каждый прекрасно знает на собственном опыте, что никогда не было такого момента, когда от изучения правил родного языка совершается переход к речевой практике — ты всегда уже оказываешься *внутри* языка, уже говоришь по правилам грамматики, которую ты специально не изучал. Этот переход происходит только при изучении *чужого языка*, когда для овладения разговорной речью сначала необходимо изучить правила грамматики. И только после этого ты восстанавливаешь *правильную последовательность, порядок* овладения языком: раскрываешь, что именно «случайные» правила родной грамматики позволяют тебе владеть разговорной речью.

Как мы уже знаем, мыслительная деятельность субъекта и используемые в её процессе понятия (т. н. «концептуальный аппарат») образуют точно такой же круг. Или, иначе говоря, чтобы вывести и описать понятия (буквально: понять понятия!), которыми оперирует мышление, необходимо *уже* использовать эти понятия. Это и есть причина ситуации, описанной Гегелем во «Введении» (и одновременно «аннулирующая» это «Введение»): всё то, что мы можем предварительно сказать о «Науке логики», должно быть достигнуто внутри самой «Науки логики».

Поэтому, да, логика будет системой абстракций, чья связь не предполагает ничего внешнего, ничему не соответствует, ни на что не опирается. Но мало сказать, что она останется вне сферы «конкретно-чувственного представления»: надо добавить, что и у неё нет никакой опоры в принципе (!) — а не только на уровне чувственного восприятия. Эти «сухие абстракции» будут казаться именно «случайными» (*zufällig*), то есть *не обоснованными, не выводимыми с необходимостью* из некоего незыблемого основания (*Grund*). Они *не обладают смыслом*, который бы с самого начала связывал их в единое

¹¹ «Тот, кто только начинает знакомиться с грамматикой, находит в её формах и законах сухие абстракции (*trockene Abstraktionen*), случайные правила (*zufällig Regeln*) и вообще множество обособленных друг от друга определений (*eine isolierte Menge von Bestimmungen*), показывающих лишь ценность и значение того, что заключается в их непосредственном смысле (*in ihrem unmittelbaren Sinne*); сначала познание не познает в них ничего кроме них. Напротив, кто владеет каким-нибудь языком и в то же время знает и другие языки, которые он сопоставляет с ним, только тот и может почувствовать дух и образованность народа (*der Geist und die Bildung eines Volks*) в грамматике его языка» (Гегель Г. В. Ф. Наука логики. 1997. С. 46).

целое и показывал их значимость, обосновывал необходимость их изучения и интерпретации, то есть — *нет опосредования (Vermittlung)*. Если и обладают, то только — «непосредственным смыслом» (*unmittelbaren Sinn*), не обоснованным ничем значением, а потому остаются «изолированными друг от друга».

Таким образом, ключевой момент этой истории — *переход через бес-смысленную, случайную абстракцию*, а значит, и принципиальную «не-репрезентируемость» предмета науки логики, ситуацию, когда отсутствуют любые возможные опоры. У такой абстракции нет «чувственных аналогов», эмпирических проекций, но вместе с тем у неё нет и поддержки внутри самого мышления — нет привилегированной инстанции, которая могла бы зафиксировать её значение и формализовать её применение в рамках специального языка. Ни «внешнего мира», ни мета-позиции.

Движение, которое не видит само себя, ищет направление вслепую, потому что для него просто не существует подходящего способа репрезентации — ни эмпирического, ни формализованного. Оно совершается в таком «полуалгоритмическом», «квазимашинном» режиме: имеет место некая последовательность действий, но нет оператора, способного эту последовательность заранее определить и контролировать. То есть нет никакой возможности выскользнуть из серии сменяющих друг друга абстракций — а потому занять относительно их внешнюю или, лучше сказать, «критическую» позицию.

Заключение. «Двойное ограничение», или Какую дверь открывает второй ключ

Мы начали с констатации, что Гегель неудобен для современной интеллектуальной культуры. Поводом для такого отношения (а в случае с «Наукой логики» это проявляется наиболее явно) стало то, что его «невозможно читать». Но что если это неудобство следует интерпретировать как симптом — в психоаналитическом смысле? Что если Гегель просто стал именем *некой «сложности», затруднения*, с которым столкнулась мысль модерна? Возможно ли такое?

При одном условии — с этой сложностью столкнулся сам Гегель. И в этом случае «не-читабельность», загромождённость и сложность его философского языка — следствие этого столкновения и попытки его тщательного осмысления. Если угодно, произошедшее можно рассматривать как повреждение языка, «производственную травму» — которая и не позволяет выразиться яснее, вгоняет в «концептуальную афазию». Разумеется, в этом нет ничего особенного — любому мало-мальски значимому занятию всегда сопутствует определённый «профессиональный риск».

В данном случае — это *сбой механизма репрезентации/отражения*, который носит не «индивидуально-психологический», а *объективный* характер. При условии, конечно, что мы действительно хотим разобраться в устройстве нашего знания и в том, о какой именно реальности оно нам сообщает.

Во-первых, в рамках «Науки логики» у движения мысли нет отражения/репрезентации во внешнем мире — нет «эмпирических аналогов», которые бы в совокупности составляли «внешнюю» или чувственно воспринимаемую реальность.

Однако в то же время вне этого движения мысли нет какой-то *точки наблюдения*, (*мета*)*позиции*, откуда это движение можно обозревать — то есть теоретически его

рассматривать, анализировать, делать какие-то выводы, корректировать (интеллектуалистская метафизика как альтернатива эмпиризму). То есть здесь *операция рефлексии* как отличительная особенность «мыслящей субстанции» (*res cogitans*) не является определяющей, а потому «рефлексия» появится в «Науке логики» в своё время и в своём месте как «подпрограмма» того же самого движения — ей ещё нужно *стать* «определяющей» (*bestimmende*)¹². Это значит, что в рамках логики мы движемся фактически вслепую, без «мета-позиции», откуда можно было бы корректировать процесс.

Нет эмпирической репрезентации, и нет мета-позиции. Нельзя отобразить процесс на что-то, находящееся вне его (эмпиризм), и нельзя обозреть сам этот процесс из какой-либо внешней позиции (интеллектуализм). Это «двойное ограничение», собственно, и делает текст «Науки логики» категорически не-читабельным. С одной стороны, у нас отсутствуют эмпирические иллюстрации, наглядное изображение, то, что можно при чтении представить или вообразить. А с другой — нет «компенсации» в виде метафизических размышлений — о сверхчувственной сущности видимого мира, которые позволили бы обойтись без этих иллюстраций. Поэтому проекты Спинозы и Лейбница оставлены на обочине логики, фигурируя только в качестве её «подпрограмм».

Это «автономный» процесс, у которого *нет отображения, репрезентации* — ни во «внешней реальности», ни на уровне рефлексии. Следовательно, его невозможно в точности прочесть и описать по мере того, как он осуществляется, — он доступен только через свои следствия, эффекты, и только затем может быть полностью реконструирован. И здесь даже свидетельство самого Гегеля вторично, пусть даже он сыплет направо-налево «спойлерами» о том, что ожидает нас в конце маршрута. Это ещё ничего, по большому счету, не значит: нужно «внедриться» в проект «Науки логики» и *самим* пройти этот путь — только тогда и будет возможна его реконструкция.

А пока резюмируем основные пункты нашего рассуждения. Почему язык Гегеля сложен?

1) У движения мысли, раскрывающего последовательно знание, нет репрезентации в том, что эмпирически воспринимается (во «внешнем мире»), так как воспринимаемое — часть того, что ещё предстоит раскрыть; в результате происходит переход на уровень чистой абстракции.

2) У движения мысли также нет репрезентации через рефлексю, так как отсутствует мета-позиция, откуда можно наблюдать за этим движением: такая мета-позиция — тоже часть того, что предстоит раскрыть; вследствие этого отсутствует возможность формализации движения мысли, потому что подобная процедура может быть осуществлена только из мета-позиции.

3) Как результат, из-за невозможности репрезентации, связанной с движением мысли, наука логики Гегеля предстаёт перед читателем как набор случайных, непосредственных и изолированных абстракций, которые попросту не с чем соотнести.

¹² После того как в «Учении о сущности» она сначала будет «полагающей» (*setzende*), а затем — «внешней» (*äußere*).

И на данный момент остаётся открытым вопрос: как мыслить эту *случайную, непосредствованную, изолированную*, а потому, по сути, *бес-смысленную* абстракцию? возможно ли здесь в принципе хоть какое-то движение мысли?

Литература

Гегель Г. В. Ф. Наука логики. — СПб.: Наука, 1997. — 800 с.

Лейбниц Г. В. Элементы универсальной характеристики // Сочинения в четырех томах: Т. 3 / Ред. и сост., авт. вступит. статей и примеч. Г. Г. Майоров и А. Л. Субботин. — М.: Мысль, 1984. — 734 с.

Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Сочинения в трех томах: Т. 1 / Под ред. И. С. Нарского. — М.: Мысль, 1985. — 623 с.

Hegel G. W. F. *Wissenschaft der Logik*. 1832.
URL: <http://www.zeno.org/nid/20009177124> (дата обращения: 16.08.2020).

References

Hegel, G. W. F. *Wissenschaft der Logik*, 1832, available at: <http://www.zeno.org/nid/20009177124> (Accessed 16th August 2020).

Hegel, G. W. F. *Nauka Logiki* [Science of Logic]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1997. 800 p. (In Russian)

Leibniz G. W. *Elementy universal'noj harakteristiki* [Elements of universal characteristic]. Moscow: Mysl' Publ., 1984, pp. 506–513. (In Russian)

Locke J. *Opyt o chelovecheskom razumenii* [An Essay Concerning Human Understanding]. Moscow: Mysl' Publ., 1985. 623 p. (In Russian)

**Representation failure
or How to survive in the realm of shadows
(quest for the keys to Hegel’s “Science of Logic” —
key No. 2)**

Alexey A. Sukhno,
Moscow Aviation Institute (National Research University),
Moscow, Russia,
volyakvlasti@mail.ru

Viacheslav V. Gulin,
Institute of Computer Aided Design of the Russian Academy of Sciences (ICAD RAS),
Moscow, Russia,
kornet104@gmail.com

Abstract: In this paper, causes of the complexity of Hegel's philosophical language is being investigated. The authors of the article come to the conclusion that they are not as much individually psychological, as objective, and are associated with the knowledge structure per se, which is obtained in the framework of various scientific disciplines. This knowledge altogether forms a “circle”, and therefore it is not possible to discover its fundamental basis from which knowledge should be derived. This imposes a number of significant restrictions on the operations that can be performed with the concepts of logic. These operations make full use of other research programs, precisely because they avoid the global challenge given by Hegel. Consequently, the ambitiousness of the task, the high stakes associated with it, accompanying its implementation, doom Hegel to use such a philosophical language, which is considered to be “extremely difficult”, “rigid”, “entangled”.

Keywords: Hegel, “Science of Logic”, knowledge, representation, abstraction, concept, reality, ontology, reflection, perception, formalization.